

РАЗНООБРАЗИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ОСТРОВНЫХ ГОСУДАРСТВ (Реферативный обзор)

Австралийская исследовательница Х. Уэйр остроумно замечает, что тихоокеанский регион в последнее время перестал быть таким уж «тихим»¹. К этому надо добавить, что современный политический ландшафт Океании, как, впрочем, и Карибского бассейна, во многом выглядит как мир в миниатюре. В Океании в уменьшенном масштабе воспроизводятся почти все основные тенденции и черты современного мира. Здесь мы встречаем и удивительное разнообразие типов политического устройства, и многочисленные конфликты различного свойства, и интеграционные процессы, и традиционные для всего мира вызовы устойчивому развитию.

В предлагаемом обзоре рассмотрены работы, вышедшие в различных международных специализированных политологических изданиях и посвященные различным аспектам современного политического устройства островных микросоударств.

ДЕМОГРАФИЯ, МИГРАЦИИ И КОНФЛИКТНОСТЬ В ОКЕАНИИ

WARE H.

Demography, migration and conflict in the Pacific // *Journal of peace research*. – L., 2005. – Vol. 42, N 4. – P. 435–454.

Статья «Демография, миграции и конфликтность в Океании» была опубликована в «Журнале исследований мира» (*Journal of*

¹ *Ware H.* Demography, migration and conflict in the Pacific // *Journal of peace research*. – L., 2005. – Vol. 42, N 4. – P. 435.

Peace Research) и подробно анализирует связь между внутренними конфликтами и демографическим состоянием тихоокеанских государств, а именно регионов Полинезии, Микронезии и Меланезии. Эти государства имеют очень небольшую территорию и население. По этим причинам их часто не включают в общие исследования по политической демографии. Они сочетают достаточную удаленность, уникальную культуру и практически не имеют армии. Данный регион включает в себя государства с различным устройством: от абсолютной монархии до демократии, с разным ежегодным приростом населения: от -3,1% до +3,4%. Некоторые из них находятся на грани распада. Автор статьи исследует, в какой степени миграционные процессы стабилизируют обстановку в регионе, являясь так называемым «предохранительным клапаном», в то время как урбанизация и внутренняя миграция только усугубляют социальную напряженность и этнические конфликты.

Статья начинается с обзора работ, посвященных связи демографических и миграционных процессов и внутренних конфликтов, в том числе анализируются подходы к данной проблеме, в которых осуществляется поиск политических и экономических факторов, усугубляющих экономическое перенаселение; рассматривается влияние эмигрантов на политическое и социально-экономическое положение «принимающих» стран, а также анализируется существующая уже целое столетие теория, рассматривающая эмиграцию как спасительный процесс для стран и регионов – источников эмиграции.

Автор придерживается последнего подхода и выделяет три «спасительных» механизма эмиграции: сокращение количества безработной молодежи, сокращение потенциально агрессивного настроенных граждан и, наконец, увеличение личных и национальных доходов благодаря поступающим от эмигрировавших жителей финансам. Материалом для исследования послужили 22 государства и территории Океании, членов Тихоокеанского сообщества, географически разделенные на три субрегиона: Меланезию, Полинезию и Микронезию, население которых представляет собой три генетически, лингвистически и исторически разные группы.

**Демографические характеристики
членов Тихоокеанского сообщества**

Государство / территория, год исследования	Население	Естественный прирост	Коэффициент рождаемости	Общий прирост (с учетом миграций)	Миграция (на 1000 чел.)	Урбанизация		Плотность
						%	Среднегодовой прирост	
Меланезия	6 475 900	2,3	4,6	2,3	- 0,4	21	3,6	12
Фиджи, 1996	775 077	1,9	3,3	1,6	- 3,7	46	2,6	45
Новая Каледония, 1996	196 836	1,6	2,6	1,8	2,4	71	2,1	11
Папуа – Новая Гвинея, 2000	5 190 786	2,3	4,8	2,3	0,0	15	4,1	10
Соломоновы острова, 1999	409 042	3,4	5,7	3,4	0,0	13	6,2	16
Вануату, 1999	186 678	3,0	5,3	3,0	0,0	21	4,3	16
Микронезия	516 100	2,4	4,1	2,3	- 1,2	48	2,8	161
Федеративные Штаты Микронезии, 2000	107 008	2,5	4,9	1,9	- 5,9	27	0,4	168
Гуам, 2000	154 805	2,1	3,8	1,0	- 10,8	38	1,9	274
Кирибати, 2000	84 494	2,5	4,5	2,5	0,0	37	2,2	112
Маршалловы острова, 1999	50 840	3,6	5,7	2,0	- 20,0	65	1,8	286
Науру, 1992	9 919	1,8	4,4	1,8	- 0,2	100	1,8	545
Северные Марианские острова, 2000	69 221	2,2	2,1	5,5	33,5	90	5,6	163
Палау, 2000	19 129	1,4	2,6	2,2	8,1	71	2,9	39
Полинезия	613 100	2,0	3,6	1,2	- 8,4	39	1,7	75
Американское Самоа, 2000	57 291	2,1	4,5	2,9	2,7	48	4,6	321
Острова Кука, 1996	19 103	2,3	3,7	- 0,5	- 21,7	59	0,5	79
Французская Полинезия, 2000	245 405	1,6	2,6	1,6	0,0	53	1,4	66
Ниуэ, 2001	1 788	1,2	3,0	- 3,1	- 43,2	35	1,2	7
Острова Питкерн, 1999	47	-	-	0,0	-	-	-	1
Самоа, 2000	176 848	2,4	4,5	0,6	- 17,6	21	1,2	58
Токелау, 2001	1 537	2,5	5,7	0,0	- 24,9	-	-	125
Тонга, 1996	97 748	2,1	4,2	0,6	- 15,1	32	0,8	154
Тувалу, 2002	9 561	1,4	3,7	0,9	- 5,2	42	4,8	381
Уоллис и Футуна, 1996	14 166	1,5	3,1	0,7	- 8,7	-	-	57

Согласно приведенным в табл. 1 данным, уровень рождаемости и естественного прироста населения в этом регионе достаточно высок. При этом есть и существенные различия: уровень миграции в Меланезии практически равен уровню прироста населения, в Микронезии отток населения из Гуама уравнивается иммиграцией на Северные Марианские острова, а в Полинезии чистый прирост населения значительно ниже, чем в двух других регионах из-за постоянной эмиграции.

Конфликты в регионе

До переворота на Фиджи в 1987 г. данный регион оставался единственным бывшим колониальным регионом, в котором не произошло ни единого переворота. Правопорядок в тихоокеанских государствах поддерживается с помощью полиции. Большинство из этих государств не имеют вооруженных сил, за исключением Тонга – 350 человек, Фиджи – 4000, Папуа – Новая Гвинея – 4400 и Вануату – 200 человек. Низкий уровень военных расходов положительно сказывается на государственном бюджете.

Основные конфликты региона сосредоточены в Меланезии, состоящей из четырех независимых государств и одной французской территории. В 1988–1997 гг. в Папуа – Новой Гвинее шла гражданская война. В 1980 г. было жестоко подавлено движение за независимость в Новой Каледонии. В 1987–2000 гг. на Фиджи произошли три государственных переворота, и в 2003 г. беспорядки на Фиджи вспыхнули снова. Автор не упоминает перевороты 2005 и 2006 гг., которые лишь подтверждают ее мысль о том, что ситуация в стране остается стабильно неспокойной. Переход к гражданскому правлению планируется только на будущий год, когда состоятся всеобщие выборы.

В остальных субрегионах сохраняется спокойная ситуация еще и потому, что, например, Микронезия находится под сильным влиянием США, являющихся сдерживающей силой. В отличие от Полинезии и Микронезии, в которых уровень эмиграции достаточно высок, в Меланезии он сравнительно низок. Автор считает, что развитию конфликтов в Меланезии могли способствовать различные исторические и географические факторы: труднодоступные горные районы и, как следствие, затрудненная коммуникация, от-

сутствие центрального правительства, отсутствие единого для всех групп региона языка (в Меланезии наблюдается одно из самых высоких в мире соотношений количества языков на количество местных жителей).

Демографическая ситуация в регионе

Характерной особенностью региона является то, что территория и население многих государств крайне малы (например, население Тувалу – 9000 человек, причем 30% рабочего населения работает в Новой Зеландии), территория государств представляет собой группу островов, причем население проживает неравномерно, что увеличивает потенциальную возможность возникновения конфликтов в перенаселенных местах.

Практически все государства демонстрируют высокий прирост населения, который превышает экономический рост, увеличение процента молодого населения, нуждающегося в рабочих местах, что способствует возникновению напряженности и конфликтов. Жители Полинезии и Микронезии имеют больше миграционных возможностей, нежели жители Меланезии: полинезийцы могут свободно въезжать в Новую Зеландию, а затем и в Австралию, жители большинства государств Микронезии могут въезжать в США, в то время как меланезийцы не имеют подобных политических отношений с соседними государствами, тем более что низкий уровень грамотности населения (в том числе незнание европейских языков) делает население этих стран малопривлекательным для рынка труда.

Внутренняя миграция вызывает крайнее перенаселение некоторых земель (в Южной Тараве – столице Кирибати – плотность населения достигает 6000 человек на квадратный километр), ситуация усугубляется возникающими земельными конфликтами, ростом преступности и болезней.

Некоторые полинезийские государства относятся к числу так называемых MIRAB-стран, экономика которых основывается на миграции (migration), переводах (денежных) (remittances), помощи (aid) и бюрократии (bureaucrasy). Автор отмечает, что некоторые экономисты считают такую модель недолговечной, однако пересылаемые из-за границы деньги все же инвестируются в образование, но только для того, чтобы воспитать новую волну эмигрантов. Для

некоторых государств Полинезии и Микронезии пересылаемые деньги составляют 30–50% от ВВП, а в Тонге даже 60% (данная цифра не учитывает недеklarированные операции). По мнению автора, положение усугубляется тем, что государства Тихоокеанского региона практически не проводят демографическую политику, а если и проводят, то она направлена на обучение потенциальных эмигрантов навыкам, востребованным в «принимающих» странах (в том числе обучение моряков в Кирибати и Тувалу или договор Фиджи и Австралии о предоставлении рабочей силы для сезонных работ). Влияние церкви очень значительно (действует правило десятины, и церковь выступает против контрацепции, что приводит к увеличению рождаемости и распространению ВИЧ), государства не могут обеспечить рабочими местами молодежь, и, более того, некоторая часть молодого поколения, имея возможность работать в сельском хозяйстве или рыбном промысле, не хочет заниматься подобным трудом – в результате отток населения в города увеличивается с каждым годом.

Далее автор подробно рассматривает историю конфликтов, происходивших на Фиджи, Соломоновых островах и Вануату; в каждом из этих случаев существовали уникальные факторы, которые способствовали большей напряженности и провоцировали конфликт.

Так, на Фиджи основным фактором напряженности было наличие двух конфликтующих групп: собственно фиджийцев и индофиджийцев, при этом последние обладали большими правами, в том числе организовали эмиграционный «маршрут». Руководители переворотов, по мнению автора, преследовали личные цели: стремление к власти и обогащению, в то время как их последователями двигали неудовлетворенность их положением, безработица и низкий доход. Автор отмечает, что многочисленные исследования причин переворотов 1987 и 2000 гг. не учитывали демографический фактор, а именно многочисленную безработную молодежь, настроенную против индийского доминирования. В перевороте 2000 г. ситуация была аналогичной: расхождение целей предводителей переворота и простого народа, усугубившаяся безработица, которая усилила недовольство. Частично кризис на Фиджи был разрешен благодаря интенсивной миграции индофиджийцев, многие исследователи в этом видят причину немного снизившегося уровня безработицы, однако процент квалифицированных эмигрировавших

фиджийцев также возрос. Появившаяся возможность эмигрировать положительно сказалась на уровне преступности, поскольку для эмиграции необходимо иметь «чистое» досье.

Соломоновы острова, как отмечает автор, всегда были очень слабым государством с высоким уровнем прироста населения, слабой организацией и неразвитой инфраструктурой. Интересно, что среди многочисленных языков на Соломоновых островах ни в одном нет слова, означающего «государство»¹. После обретения независимости в 1978 г. уже при демократическом режиме так и не сформировалась партийная система. Коррупция, преступность и жажда наживы процветали в новом государстве. Столица государства Хониара была заселена, в основном, выходцами с соседнего острова Малайта. Когда же понадобилась земля, власти вынуждали около 20 тыс. жителей Малайты освободить территорию. В разгоревшемся конфликте основную роль сыграл демографический фактор – тотальная безработица. В результате группы вооруженных молодых людей захватили дороги и назначили пошлину за проезд, обеспечив себе хоть какой-то доход. Премьер-министра вынудили уйти в отставку. На подавление беспорядков в 2003 г. правительство было вынуждено прибегнуть к помощи 2 тыс. военных и полицейских австралийской миссии. Порядок был восстановлен, но дальнейшее политическое устройство государства остается под вопросом. Однако каковым бы ни было решение, замечает автор, демографические проблемы так и не решены, кроме того, страна испытывает потребность в новых технологиях, рабочих местах и земле.

Вануату имеет много общего с Соломоновыми островами (многие ученые называют это государство самым слабым и прогнозируют возможные вооруженные конфликты в этом регионе) – большое этническое разнообразие, низкий уровень грамотности, высокий уровень прироста населения, не имеющее силы правительство, безработица среди молодежи достигает 40%.

Последствием присутствия на данной территории двух европейских держав – Англии и Франции – является разделение населе-

¹ Причем ни в смысле «господство», как в русском языке, ни в смысле «состояние», как в английском и ряде других европейских языков. Существующее в местном пиджине слово «government» имеет более узкое значение и обозначает людей, которые собирают налоги и должны в обмен предоставлять некоторые услуги.

ния на англо- и франкофонов. Постоянные конфликты, сменяющиеся коалиционные правительства и коррупция являются характерными особенностями данного государства. Хотя Вануату трудно назвать перенаселенным (16 человек на 1 км²), прирост населения, отсутствие рабочих мест даже для квалифицированных кадров и потоки молодежи в города создают перенаселенность городов. Таким образом, именно демографические факторы являются определяющими в нарастании напряженности и усугублении положения в стране.

Автор предлагает некоторые решения обозначенным проблемам: прежде всего, это формирование адекватной миграционной политики для всех жителей (особенно социально обделенных), в том числе условий краткосрочных выездов, и более активное участие Австралии и Новой Зеландии в качестве «принимающих стран», создание образовательных программ для молодежи и популяризация контрацепции.

Демократия в Океании

ANCKAR D.

Democratic standard and performance in twelve pacific micro-states // Pacific affairs. – Vancouver, 2002. – Vol. 75, N 2. – P. 207–225.

В начале XX в. в мире существовало 55 суверенных государств, но ни одно из них не имело многопартийной системы. К концу XX в. количество таких государств возросло вдвое, из них большая часть по форме политического устройства представляет собой так называемую выборную демократию. Однако, по мнению автора, нельзя сказать, что мы живем в мире, в котором восторжествовала демократия. В то же время причины принятия тем или иным государством демократической формы организации власти не изучены до конца. В некоторых случаях факторы, повлиявшие на этот процесс, абсолютно очевидны, в некоторых – наоборот.

В данной статье анализу были подвергнуты политические системы 12 малых тихоокеанских государств и территорий: Палау, Острова Кука, Фиджи, Кирибати, Маршалловы острова, Микронезия, Науру, Самоа, Соломоновы острова, Тонга, Тувалу и Вануату, которые имеют общие черты: все они являются островными микрогосударствами с населением менее 1 млн. человек. Так, например, население Науру и Тувалу менее 10 тыс. жителей, в то время как на

Фиджи (самое крупное государство в этой группе) проживают около 780 тыс. человек (Папуа – Новая Гвинея, имея 4-миллионное население, не вошла в данное исследование по причине нерелевантности). Однако данные государства имеют и ряд различий. Во-первых, они испытали на себе влияние разных колонизаторов. Хотя большинство тихоокеанских государств были колониями Великобритании, Палау, Маршалловы острова и Микронезия находились под властью США, Науру находилось под опекой Австралии, Новой Зеландии и Великобритании, Вануату было общей территорией Франции и Великобритании, Тонга так и не была полностью колонизирована, а Острова Кука и в наши дни не являются независимым государством. Во-вторых, эти государства имеют разные конституционные системы, большая часть государств – парламентские республики, Палау и Микронезия имеют президентские формы правления, Тонга – наследственная монархия, Фиджи – полупрезидентская республика. Хотя большинство государств и позаимствовало вестминстерскую модель организации парламента, это не сократило количество различий между государствами.

Автор говорит о существовании теории, которая утверждает, что появлению демократических основ организации власти во многом содействуют малый размер государств и принцип большинства.

Исследователь приводит в статье данные (уровень демократии в государствах), представленные организацией Фридом Хаус, которая наблюдает за изменением состояния данных государств и с 1978 г. публикует результаты в ежегоднике «Freedom in the World».

Таблица 2

Рейтинг уровня демократии в тихоокеанских государствах согласно исследованиям Фридом Хаус в 1970–1990-х гг.

Страны	1972–1973 гг.	1977–1978 гг.	1982–1983 гг.	1987–1988 гг.	1992–1993 гг.	1997–1998 гг.
1	2	3	4	5	6	7
Палау	н. д.	н. д.	2,2 F	2,2 F	1,2 F	1,2 F
Острова Кука	3,2 PF	2,2 F	2,2 F	2,2 F	2,2 F	1,2 F
Фиджи	2,2 F	2,2 F	2,2 F	6,5 PF	4,3 PF	4,3 PF
Кирибати	н. д.	2,2 F	2,2 F	1,2 F	1,2 F	1,1 F
Маршалловы острова	н. д.	н. д.	2,2 F	2,2 F	1,1 F	1,1 F
Микронезия	4,2 PF	4,2 PF	2,2 F	2,2 F	1,1 F	1,2 F

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Науру	2,2 F	2,2 F	2,2 F	2,2 F	1,2 F	1,3 F
Самоа	4,2 PF	4,2 PF	4,3 PF	4,3 PF	2,2 F	2,2 F
Соломоновы острова	4,2 PF	2,2 F	2,2 F	2,2 F	1,1 F	1,2 F
Тонга	4,2 PF	5,3 PF	5,3 PF	5,3 PF	3,3 PF	5,3 PF
Тувалу	н. д.	2,2 F	1,2 F	1,1 F	1,1 F	1,1 F
Вануату	4,3 PF	3,3 PF	2,2 F	2,4 F	2,3 F	1,3 F
Политические права	3,3	2,8	2,3	2,6	1,7	1,7
Гражданские свободы	2,1	2,2	2,2	2,5	1,8	2,1

В итоге каждое государство в разные периоды (1972–1998) оценивается по семибалльной шкале (за основу взят уровень политических прав и свобод граждан из компетентных источников) и в зависимости от рейтинга получает один из трех статусов: 5–5,7 – NF – not free («несвободное»), 3–5,5 – PF – partly free («частично свободное»), 1–2,5 – F – free («свободное»).

Данные табл. 2 демонстрируют, что ситуация в тихоокеанских государствах более чем удовлетворительная с четко прослеживающейся тенденцией к изменению. Однако между государствами существуют и различия, которые автор предлагает рассмотреть, разделив все государства на четыре группы: рыцари (Палау, Кирибати, Маршалловы острова, Науру и Тувалу) демонстрируют уверенную и качественную демократию; передовики (Острова Кука, Микронезия, Самоа, Соломоновы острова и Вануату), улучшившие свой рейтинг к концу периода; реакционеры (Фиджи), ухудшившие рейтинг к концу периода; отставшие (Тонга), имеющие и в конце, и в начале периода рейтинг PF. Рейтинг Фиджи ухудшился благодаря вооруженным конфликтам, а Самоа продвинулось вперед из-за введения в 1990 г. всеобщего избирательного права. Однако, как справедливо замечает автор, данные по демократическим стандартам тихоокеанских государств только тогда будут представлять полную картину, когда появится возможность сравнить их с данными, полученными для других, нетихоокеанских государств (причем как оплотов демократии – европейских государств, так и стран Третьего мира – государств Южной Америки). По итогам сравнений автор приходит к выводу, что группа 12 азиатских государств (Бангладеш, Индия, Япония, Сингапур и др.) демонстрирует худший рейтинг из

всей группы, далее следует группа из 12 стран Центральной и Южной Америки (Аргентина, Бразилия, Чили и др.), а тихоокеанская группа даже опережает латиноамериканскую, проявляя тенденцию приближения к европейским стандартам демократии. Автор отмечает, что тихоокеанские государства опровергают модернизационную теорию, которая утверждает, что «чем более богата нация, тем больше шансов у нее поддерживать демократическую форму власти».

Далее в работе по трехбалльной шкале (высокий, средний, низкий уровень) оцениваются тип экономики, уровень грамотности, уровень безработицы и продолжительность жизни в каждом из государств. Вся информация для исследования была получена из надежных источников, таких как *Political systems of the world*, *Britannica book of the Year 1999* и т.д. Результаты довольно интересны: из 17 самых «богатых» стран 16 являются демократическими государствами, из 31 «бедной» страны – всего 19.

Таким образом, в тихоокеанских государствах сосуществуют несочетаемые факторы – демократия и бедность. Однако, по мнению автора, нельзя упускать два важных момента: неоднозначность понятий «богатство» и «бедность» и новые правила землевладения. Автор приходит к выводу о том, что на самом деле рейтинг бедности довольно преувеличен.

Согласно мнению Гадениуса, существует прочная связь между уровнем грамотности и демократическим устройством государства. Группа тихоокеанских государств занимает второе место по уровню грамотности после Европы, при этом интересно, что уровень грамотности существенно ниже на Фиджи, Соломоновых островах и Вануату – самых напряженных точках региона. Из 35 республик не менее 28 демонстрируют высокий уровень грамотности, из 13 недемократических государств только три имеют высокую грамотность, что подтверждает теорию Гадениуса. Автор критикует теорию С. Хангтингтона о том, что продолжительность влияния метрополии на колонию также имеет значение. Предположения автора о связи размера территории государства и его политического устройства подтверждается данными Фридом Хауз: из 18 микространств 16 имеют демократическое устройство, а из 30 более крупных государств – только 18 демократические.

В выводах перечисляется целый ряд преимуществ микространств, способствующих возникновению демократической сис-

темы организации власти: менее сложная структура власти, меньший разрыв между ступенями власти, однако размер становится решающим критерием: тихоокеанские государства демократические, потому что у них небольшая территория, и развитие происходит медленно и болезненно именно по этой же причине. Если небольшого размера влечет за собой эффективность, но ограниченное применение механизмов власти, то следствием большого размера являются неограниченное применение и в то же время малая эффективность. В заключение автор говорит об ограниченных схемах развития тихоокеанских государств в плане политической продуктивности, однако надеется на сохранение ими их индивидуальности, которая позволяет им выделяться на фоне других государств мирового сообщества.

ПАРЛАМЕНТЫ В БЫВШИХ МАЛЫХ АНГЛИЙСКИХ КОЛОНИЯХ

ANCKAR D.

Westminster lilliputs? Parliaments in former small British colonies // Parliamentary affairs. – Oxford, 2007. – Vol. 60, N. 4. – P. 637–654.

В основе статьи заложен термин «вестминстерская модель», который, по мнению автора, имеет два значения: теоретическое (мажоритарная модель выборов) – именно оно закрепилось за этим словосочетанием благодаря Аренду Лейпхарту, и эмпирическое – относящееся к основным особенностям британского парламента и государственного устройства. Автор рассматривает этот термин с эмпирической точки зрения, поскольку задача статьи состоит в том, чтобы выяснить, насколько некоторые бывшие колонии Соединенного Королевства следовали британской модели законодательной власти.

В рамках данной интерпретации вестминстерской модели автор выделяет два подхода к исследованию бывших колоний: рационалистический, предполагающий, что потребности общества определяют структуру государства, следовательно, естественные, рациональные факторы лежат в основе того или иного государственного устройства; и диффузный, согласно которому особенности государственного устройства определяются историческим и социальным контекстом, т.е. колониальное прошлое государств домини-

рует над рациональными факторами и именно бывший колониальный статус современных республик объясняет разнообразие в организации власти внутри них. Статья состоит из пяти частей: краткого вступления, перечня исследовавшихся государств, практической части, в которой определяется степень соответствия получивших независимость государств британской системе организации власти, рассматриваются различия между этими государствами. Четвертая часть уделяет внимание независимым переменным в структуре власти и, наконец, в пятой подводятся итоги и озвучиваются выводы.

Материалом для исследования послужили только небольшие по размеру бывшие колонии Великобритании (микросоциалства), поскольку они наилучшим образом могут продемонстрировать состоятельность вышеобозначенных подходов; за пределами отбора остались средние и крупные государства: Индия, Малайзия, Нигерия.

Данное исследование охватило 24 из 59 бывших британских колоний, получивших независимость в разное время, в том числе и колонии, которые оказались под влиянием других бывших колоний (Науру и Самоа), и колония, находившаяся в союзе Великобритании и Франции (Вануату). С другой стороны, Тонга не вошла в этот список, поскольку, согласно Дугласу Оливеру, это государство «находилось под строгим административным контролем, однако оставалось относительно самостоятельным королевством». По причине отсутствия парламента (определяющего фактора данной работы) в списке отсутствуют Катар и Оман.

Обзор парламентского устройства

Автор выделяет четыре дихотомических критерия соответствия парламента того или иного бывшего колониального государства вестминстерской модели. Полное соответствие предполагает совпадения по всем четырем критериям.

Комплектование парламента. Государства, позаимствовавшие у Великобритании мажоритарную систему выборов, считаются вестминстерскими. И наоборот, отступившие от данной системы государства не считаются вестминстерскими.

Структура парламента. Государства, в которых действует двухпалатный парламента, относятся к вестминстерским. И наоборот.

Формирование кабинета министров. Согласно вестминстерской модели, члены кабинета министров должны быть парламентариями.

Суверенитет парламента. Если политическая сила государства сосредоточена в парламенте и форму политической организации общества можно безоговорочно охарактеризовать как представительную демократию, государство также считается вестминстерским.

Данные для исследования были взяты из надежных и актуальных источников: узкоспециализированных работ последних лет по системе выборов и общих исследований по выборной теории, работ о государствах с двухпалатным парламентом; тщательно были проработаны конституции государств.

Таблица 3

**Классификация бывших британских колоний
по вестминстерским компонентам**

Государство	Вестминстерские компоненты ¹			
	I	II	III	IV
1	2	3	4	5
Антигуа и Барбуда	X	X	X	0
Багамские острова	X	X	X	0
Барбадос	X	X	X	X
Белиз	X	X	X	X
Кипр	0	0	0	X
Доминика	X	0	0	0
Фиджи	X	X	X	X
Гренада	X	X	X	0
Гайана	0	0	0	0
Кирибати	0	0	X	0
Мальдивы	X	0	0	0
Мальта	0	0	X	0
Маврикий	X	0	X	0
Науру	X	0	X	0

¹ Столбцы: I – мажоритарная избирательная система, II – двухпалатность, III – формирование правительства из числа парламентариев, IV – суверенитет парламента. X – присутствует, 0 – отсутствует.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
Сент-Китс и Невис	X	0	X	0
Сент-Люсия	X	X	X	0
Сент-Винсент	X	0	X	0
Самоа	X	0	X	0
Сейшелы	X	0	0	0
Соломоновы острова	X	0	X	X
Свазиленд	X	X	0	0
Тринидад и Тобаго	X	X	X	X
Тувалу	X	0	X	X
Вануату	0	0	X	0

Согласно табл. 3, четыре государства полностью соответствуют вестминстерской модели; это Барбадос, Белиз, Фиджи и Тринидад и Тобаго. Шесть государств демонстрируют соответствие по трем критериям, и семь республик не соответствуют вестминстерской модели как минимум по трем критериям. Промежуточную позицию занимают государства с равными долями соответствий и несоответствий. Из этого следует вывод: процесс диффузии главным образом влияет не на количество общих черт, а, наоборот, на возникновение различий между государствами, которые, в свою очередь, возникли под воздействием ряда других факторов наряду с процессом диффузии.

79% государств (19 из 24) по получении независимости переняли систему большинства голосов и могут считаться вестминстерскими, однако нельзя сказать, что оставшиеся государства хотя бы частично не последовали этому принципу. Так, например, Вануату и Кирибати сочетают в себе несколько типов избирательных систем, в том числе и мажоритарную.

Только девять из 24 стран переняли двухпалатную систему парламента. Однако, учитывая размер территории этих государств, функционирование однопалатного парламента представляется более эффективным. Сложно определить соответствие британской модели парламента Гренады, Сент-Винсента и Доминики. С одной стороны, большая часть парламентариев этих государств – выборная, а меньшая (сенаторы) – назначается премьер-министром.

С другой стороны, в парламенте нет разделения на палаты. Интересен тот факт, что семь из девяти бывших колоний, несоответствующих британской системе, – страны Карибского бассейна.

Согласно представленным данным, в 18 государствах из 24 члены кабинета министров являются выборными представителями парламента. Однако страны, не соответствующие данному критерию, демонстрируют тенденцию к отклонению от парламентаризма вообще. Так, на Кипре была установлена президентская республика, политическое устройство Гайаны сочетает черты парламентской и полупрезидентской республик, Мальдивы, Сейшелы и Свазиленд по большому счету отступают от демократических позиций.

Парламентский суверенитет наблюдается только в семи из 24 государств (29%), 17 государств предпочли принцип непосредственного участия народа в принимаемых политических решениях. Данные пропорции среди бывших колоний Великобритании свойственны всем микрогосударствам, среди которых 40% проводят конституционные референдумы и 31% вообще не следуют демократическим принципам.

Диффузия и рациональность

Итак, как уже упоминалось, данное исследование рассматривает два подхода к объяснению различий в политическом устройстве микрогосударств, ранее входивших в Британскую империю. Рационалистический подход предполагает прямую связь с дефрагментацией того или иного государства. Общая дефрагментация, как правило, сопровождается этнической, религиозной, лингвистической дефрагментацией. Однако результаты исследования¹ опровергают предположения о том, что разнородные государства не склонны к мажоритарной системе. Наоборот, те государства, которые из-за дефрагментации, казалось бы, должны были отказаться от использования данной системы, продемонстрировали к ней большую склонность, чем, скажем, более единые образования. Еще один аргумент, объясняющий рациональный подход, – попытка избежать диктатуры большинства и, как следствие, попытка уравновесить представительства в парламенте.

¹ *Anca C., Eriksson M., Leskinen J.* Measuring ethnic, linguistic and religion fragmentation in the world // Occasional papers series: Department of political science. – Turku: Abo akademi univ., 2002. – N 18.

Основным аргументом диффузного подхода является то, что государства в разной степени были подвержены присутствию Британии. Эта теория широко отражена в работах по демократизации, где степень последней связывалась с длительностью пребывания государства под властью метрополии. Однако такая тенденции существует лишь в колониях Франции, Бельгии, Дании и США и не наблюдается в итальянских, португальских и испанских. Автор замечает также, что срок колонизации имеет значение лишь в том случае, если сами государства придерживались демократических принципов. Автор статьи все же полагает, что период колонизации сыграл важную роль в дальнейшем развитии государств, поскольку как минимум восемь государств, демонстрирующих высокую степень демократии сейчас, находились более долгое время под властью Великобритании. Однако из восьми государств, которые в меньшей степени соответствуют вестминстерской модели, только четыре испытали длительное влияние Великобритании, а четыре – нет (Доминика, Гайана, Мальта и Сейшелы). Таким образом, можно вывести условную взаимосвязь: тенденция к имитации присутствовала, однако ряд побочных факторов «скорректировал» результат.

Следующий аргумент диффузного подхода – географическое положение. Процесс имитации и диффузии в большей степени характерен для соседних государств. По результатам исследования, все карибские государства наиболее близки к вестминстерской модели. И наоборот, иные государства не дублируют принципы организации власти своей метрополии.

Подводя итоги, автор замечает, что нынешнее исследование не может соперничать с работами Грэма Уилсона¹ и Гая Питерса², которые утверждали, что политические системы вестминстерского типа в данном регионе являются продуктом диффузных процессов. Поэтому этот вывод будет основным, остальные будут априори подразумевать его истинность.

Однако автор замечает, что любое утверждение открывает простор для нюансов, дополнений и корректировки. Так, проведя исследование 24 государств, можно утверждать, что идеальное со-

¹ *Wilson G.* The Westminster model in comparative perspectives // *Developing democracy*. – L.: Sage, 1994.

² *Peters B.G.* Comparative politics: Theory and methods. – L.: Macmillan, 1998.

ответствие всем четырем критериям (24 государства \times 4 компонента) дало бы в итоге 96. Эмпирический же результат – 53, а средний результат для государства – 2,2. Это свидетельствует о том, что помимо диффузных факторов действовало множество других побочных явлений. Точно так же и процесс имитации был нарушен дополнительными явлениями, вызвавшими большое количество отклонений от шаблона. Далее он указывает, что если сравнивать отклонения обоих подходов от желаемых результатов, отклонения диффузного подхода окажутся менее значительными. Не следует забывать также о человеческом факторе – часто выбор в пользу того или иного политического устройства мог быть обусловлен личной выгодой руководителя.

Рассмотренные работы составляют лишь малую (однако, на наш взгляд, крайне важную) часть исследований политических систем Океании и Карибского бассейна, появившихся в последние годы. Данные регионы привлекают все больше внимания политологов и международников, так как, во-первых, постепенно повышается их значение на международной арене, а во-вторых, через их призму возможно новым взглядом посмотреть на уже детально разработанные политологические концепции.

И.Ю. Окунев